

Отражение

ОЛЬГА САВАРЕЦ

Ольга Саварец

Отражение (2-е издание, исправленное и дополненное)

<https://litres.ru/74043011>

SelfPub; 2026

Аннотация

К читателю

Эта книга — собрание отражений. Историй, мыслей и мгновений, в которых сплетаются радость и грусть, ирония и нежность, неожиданность и простота.

Каждая история в этой книге — отражение. Иногда эти истории печальны, иногда ироничны, а порой светлы.

Я верю, что у каждого из нас есть собственные маленькие отражения — смешные, грустные, неожиданные, заставляющие вас переживать их снова и снова. Именно они оседают в нашей памяти и делают жизнь эксклюзивной и настоящей.

Ольга Саварец

Ольга Саварец Отражение (2-е издание, исправленное и дополненное)

Израиль. Май 2026

Ольга Саварец
Отражение

Olga Savarets
Reflection

2-е издание, исправленное и дополненное

Технический редактор Вадим Костин

Художественное оформление Вадим Костин

© 2026 Ольга Саварец
Все права защищены.

К читателю

Эта книга — собрание отражений. Историй, мыслей и мгновений, в которых сплетаются радость и грусть, ирония и нежность, неожиданность и простота.

Каждая история в этой книге — отражение. Иногда эти истории печальны, иногда ироничны, а порой светлы.

Я верю, что у каждого из нас есть собственные маленькие отражения — смешные, грустные, неожиданные, заставляющие вас переживать их снова и снова. Именно они оседают в нашей памяти и делают жизнь эксклюзивной и настоящей.

Ольга Саварец

СОДЕРЖАНИЕ

Путешествия, как рок.

1.	Приключение	в	Париже.....	[5]
2.	Полёт	в	Германию.....	[11]
3.	Человек	без	паспорта.....	[15]
4.			Потеряшка.....	

Амурные хроники

1.			Балерина.....	[26]	
2.			Принц.....	[29]	
3.	Мы	возвращались	из	Вены.....	[34]
4.	Отпуск	в		Турине.....	[39]
5.				Собака.....	
6.	Разлюбила.....				[46]
7.				Шалопай.....	
8.	Я			кошка.....	

ка.....				
9.				
Ася.....				
[51]				
10.				Ко-
ни.....				
11.		Ночное		приключе-
ние.....				[60]
12.				Проща-
ние.....				
13.	В	единственный	и	последний
раз.....				[71]
14.		Лера	и	Же-
ня.....				[7
15.				Наваждение
.....				
[76]				

Смех и слёзы

1.	Ида	Марковна	и	
Изя.....				[79]
2.				Лю-
си.....				
3.		Один		по-
эт.....				
4.				Важный

день.....			
[88]			
5.			Свида-
ние.....			
6.			Бо-
лею.....			
7.	Психологический		те-
атр.....		[99]	
8.			Го-
лос.....			
9.	День	рождения	Шмули-
ка.....			[110]

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

1.			Встре-
ча.....			
2.			
Элис.....			
[125]			
3.			Вевл
Пулл.....			
[131]			

МЫСЛИ ВСЛУХ

1.			Ан-
дрей.....			

2. Девочка и
страх.....
[142]
3. И ниче-
го.....
4. Счастливые
дни.....
[145]
5. Боль.....
[147]

Лабиринты разума

1. Красота, как божественный со-
суд.....[149]
2. Я дру-
гая.....
3. Ге-
нии.....
4. Зачем человеку адрена-
лин.....[157]
5. Не приближайтесь к дереву позна-
ния.....[159]
6. Вялые ру-
ки.....
7. Ещё немного о Люб-

ви.....[163]

8. О свойствах памяти

ти.....[165]

Путешествия, как рок.

TOILETTES

Приключение в Париже

Я всегда мечтала о Париже, как о городе романтики и приключений. Мечтала страстно, всем сердцем и отчаянно, потому что не надеялась когда-нибудь его увидеть. Поэтому

первое, что я сделала, когда у меня появилась такая возможность, — я отправилась в Париж.

Да, я страстно мечтала о Париже, но французского языка я, естественно, не только не знала, но и не надеялась когда-нибудь узнать.

Дело в том, что у меня наблюдается редкий кретинизм в изучении иностранных языков. И не надо мне говорить, что надо стараться, память моя категорически отказывается стараться в эту сторону.

И вот в связи с этим весьма огорчительным обстоятельством, когда моя заветная мечта всё-таки сбылась, случилось со мной вот что.

Есть в Париже суперсовременный деловой квартал Дефанс – чудесное место, где среди грандиозных архитектурных строений расположились соблазнительные для туристов супермаркеты. Вот туда, после осмотра самого Дефанса, и посоветовал отправиться своим нетерпеливым туристам наш экскурсовод Алекс.

Естественно, вся группа с энтузиазмом нырнула в эти полные всевозможных соблазнов грандиозные дворцы. Но очень скоро меня постигло разочарование: товары, которые я в них увидела, ни качеством, ни ассортиментом практически не отличались от израильских, и вскоре я потеряла к ним всякий интерес.

Я уже намеревалась выйти «на волю», когда случайно забрела в зал, в котором, забыв о времени, в упоении застряла

надолго. Как волшебная пещера из сказок «Тысячи и одной ночи», это помещение переливалось тысячами выставленных сокровищ. В зале были лавочки с дорогой бижутерией и ювелирными украшениями. Лавочек было много, несколько длинных рядов, и прошло не менее часа, когда я вдруг почувствовала необходимость оторваться от захватившего меня занятия и посетить, извините, туалет.

Казалось, нет ничего проще, чем осуществить это намерение, тем более что и надпись, указывающая нужное направление, висела прямо над моей головой.

Согласно направлению стрелки я легкомысленно и пошла. Пошла и оказалась на улице. В полном недоумении я вернулась под стрелку. «Так, – соображала я, стоя под ней. – Справа – лифт, слева – аптека, прямо (а именно туда указывала стрелка с надписью по-французски “TOILETTE”) – выход на улицу. Что за чёрт!»

Желание посетить указанное на стрелке место моментально стало страстным. Ну, нет, так просто я не сдамся! И, подавив охватившую меня лёгкую панику, я, подобно Шерлоку Холмсу, стала рассуждать логически. «Итак, – подумала я, – если есть стрелка, то просто обязано быть и место, куда она указывает. И уж конечно оно где-то рядом». Вполне довольная собой на этом этапе размышлений, я решительно взялась за поиски. Сначала я направилась к аптеке, благо аптекарша была свободна и при моём появлении выразила прямо-таки абсолютную готовность помочь мне всем, что было в её си-

лах. Наивная! Ну как она могла догадаться, что я в это время мучительно ищу в своей памяти перевод слова «туалет» на французский!

– Мадам, – решила я наконец, – ани мехапесет ширу-тим.¹

Недоуменный взгляд и последовавший за ним ответ мне стали ясны без всякого перевода: она меня не понимала. Произнеся беспомощно-родное «слиха», я позорно ретировалась на исходную позицию, попутно, правда, завернув к лифту. Увы, его беглое исследование мне тоже ничего не дало. Зато интерес аптекарши ко мне не погас: сделав несколько шагов за мной, она остановилась на пороге своей аптеки, решив, видимо, что сейчас будет интересно. Но происходящее заинтересовало, увы, не только её одну. Как оказалось, я привлекла к себе внимание ещё двух пожилых французов, которые, о чём-то пошептавшись друг с другом, решительно направились в мою сторону.

– Мадам, нужна помощь? – обратился ко мне один из них.

¹ Я ищу туалет (иврит)

Только не спрашивайте меня, как я поняла вопрос. Ну, во-первых, жесты, а во-вторых, о чём ещё может спросить воспитанный месье растерявшуюся мадам?

Но тут, вспомнив свою полную беспомощность при объяснении с аптекаршей, я просто отчаянно замотала головой

и пустилась в бегство. Правда, не слишком далёкое, всего лишь в соседний зал.

Каково же было моё отчаяние, когда, пробежавшись по нему и ещё по нескольким другим, я ни в одном из них не нашла не только туалета, но даже стрелки, указывающей на него! Потратив минут пятнадцать на бесполезные поиски, я обречённо поплелась обратно.

– Бонжур, мадам, – вдруг услышала я слегка насмешливое приветствие молодого продавца ближайшей ювелирной лавки.

– Бонжур, – вздрогнув, растерянно ответила я.

Но по мере того как я шла к своему лобному месту под стрелкой, меня сопровождали всё новые весёлые и вежливые «бонжур» молодых шутников. И, как это ни странно, именно эти приветливо-доброжелательные «бонжур» не только подняли моё настроение, но и утвердили во мне решимость довести начатое до конца. Было совершенно ясно: публика болела за меня, и обмануть её ожидания я не имела права.

Решительно заняв ставший мне уже почти родным пост, я решила оглядеться и наконец решить этот дурацкий ребус-кроссворд. И тут случилось Чудо (впрочем, вполне объяснимое, ведь я была в Париже!) — ко мне направлялся Принц из самой красивой сказки на свете: молодой и красивый, стройный и элегантный мужчина моей мечты. Он решительно подошёл ко мне, приветливо улыбнулся и молча, взяв меня за руку, повёл за собой. Я пошла за ним безро-

потно, с таким же растерянным и счастливым выражением лица, с каким, я уверена, Ассоль шла навстречу алым парусам, когда они замаячили на горизонте. Мы подошли к лифту. Он нажал кнопку вызова, и только когда мы очутились внутри, я увидела рядом с кнопкой «-1» знакомую надпись «TOILETTE».

«Господи! – ахнула я. – Долго бы мне пришлось ещё искать это место!» Ведь на лифте снаружи не было никаких указаний на то, что только этот вид транспорта может доставить жаждущих к их заветной цели. Француз, положив палец на надпись, вопросительно посмотрел на меня, я кивнула, и мы поехали. И тут до меня дошло! Вернее, сошло затмение с моего бедного замороженного мозга. Слово «туалет» по-французски звучит «туалет»! Ведь слово это французское! Я чуть не описалась на месте, но теперь уже от безудержного смеха, когда поняла всю нелепость и комизм ситуации. Одно было ясно: с появлением Грея я стала умнеть на глазах.

Увы! Мне это только показалось. Поскольку на тот момент я по-прежнему была озабочена своим, пока не исполненным желанием, видимо, мозги мои были затуманены. Иначе чем ещё можно объяснить тот образец полного тупоумия, который я с таким блеском продемонстрировала своему спасителю буквально через пару минут! И если именно жалость к моим недоразвитым умственным способностям подвигла его стать моим провожатым, то он не был обманут в своём ожидании!

Из дверей туалета вышла француженка и, подойдя ко мне, попросила разменять ей франк по полфранка, и я, окрылённая близостью цели и романтическим флёротом происходящего (ведь француз в лифте уже успел поцеловать мне ручку), не задумываясь, сделала это. Каково же было моё изумление, когда, оказавшись у двери кабинки, я не смогла её открыть. В ней было отверстие, и она ни за что не хотела впускать меня внутрь, пока я не брошу в него именно полфранка. Но у меня его больше не было! Весьма смущённая этим обстоятельством, но уже твёрдо уверенная в том, что мне есть теперь на кого положиться, я вернулась к своему рыцарю. Он понял меня без слов. И всё повторилось. Он опять взял меня за руку и повёл за собой, но теперь уже до самой двери с прорезью. И, не полагаясь больше на мою сообразительность, сам бросил монету в щёлку, открыл дверь и, впустив меня в кабинку, остался ждать возле неё.

С тех пор я объездила много стран, всякое случалось со мной в моих путешествиях, но этот случай в Париже запомнился мне более других. Именно благодаря ему я поняла, что никогда нельзя знать наверняка, где, как именно и отчего спасёт тебя твой герой. Главное только, чтобы он появился вовремя.

Ольга Саварез

ОТРАЖЕНИЕ

Полёт в Германию

Путешествие в Скандинавию из Израиля — недешёвое удовольствие. А из Германии вполне доступное. В прошлом году я сделала попытку, но оказалось, что сентябрь, мой любимый месяц для путешествий, уже не сезон для посещения

суровой страны викингов.

Учитывая прошлогоднюю неудачу, в этом году я вылетела в Дюссельдорф уже 18 августа с тем, чтобы 20-го отправиться к норманнам.

Погрузившись в родном Бен-Гурионе в самолёт и, заняв своё место в немецком «Боинге», я с привычным лёгким волнением стала осматриваться по сторонам. Через проход от меня, у иллюминатора, сидела симпатичная брюнетка. Мы приветливо улыбнулись друг другу, и я пожалела, что моё место не рядом с ней. Но тут стали появляться новые пассажиры, и моё внимание немедленно переключилось на них.

Дело в том, что в салон авиалайнера с напором нехилого цыганского табора хлынуло несколько многодетных израильских семей. Громко переговариваясь и ничуть не смущаясь присутствием не столь уверенных в себе пассажиров, они стали шумно устраиваться на своих местах со всем возможным в таких условиях комфортом. Одна из семей, к моему ужасу, стала размещаться рядом со мной. Но тут оказалось, что я своим присутствием нарушаю целостность её рядов, и меня попросили пересесть именно туда, где я и хотела оказаться с самого начала — к брюнетке. Я упорхнула к ней быстрее, чем глава семьи закончил произносить свою просьбу.

Мои же несостоявшиеся соседи заняли шесть оставшихся мест в нашем ряду и четыре в соседнем. Впереди меня, не без проблем, размещалась крупная женщина с огромной

задницей и столь же огромным, на сносях, животом. К моему удивлению, каким-то образом устроившись на ручке своего кресла, как на хрупком насесте и плотно перекрыв собой проход между кресел, она рассаживала своё неугомонное семейство на нескольких соседних рядах. Мы с брюнеткой почувствовали себя в окружении. Но хуже нас, без сомнения, было мужчине рядом ниже, для которого почти голый зад (с него всё время сползали штаны) беременной женщины являлся единственным доступным пейзажем почти всё время пути. Тем более что и справа ему тоже не повезло: соседние с ним места оккупировали шумные разновозрастные отпрыски моих несбывшихся соседей.

Я несколько раз за полёт, едва сдерживая смех, наблюдала, как он деликатно пытался достучаться до бесцеремонной кормы соседки, прося выпустить его в туалет.

Моя брюнетка, видимо, не менее меня оценившая нашу общую удачу, что-то радостно сказала мне по-немецки, и я с прискорбием поняла, что мы обречены на молчание: у нас не было общего языка общения. Этот факт очень огорчил нас обоих.

Как только самолёт взлетел, жизнь на борту немедленно превратилась в подобие большой коммуналки. Моя робкая надежда, что дети уснут во время полёта, осталась несбыточной. Визг, плач, смех, крик сменяли друг друга без перерыва все четыре часа полёта. Малыши лазали через кресла, бежали, ходили и ползали по проходу самолёта и вообще делали,

что хотели. Мамаши со спокойствием, вызывавшим у меня зависть и раздражение одновременно, снисходительно взирали на своих чад и время от времени обменивались ленивыми репликами друг с другом. Отцы вели себя на удивление тихо, скорее всего просто потому, что, давно привыкнув к своему громкоголосому семейству, научились его не замечать и сейчас в полном кайфе спали в своих креслах.

Вскоре в самолёте заметно потяжелел воздух. Казалось, дети безостановочно делают свои «пипи» и «каки». У толстозадой мамыши, бегающей в туалет с очередным ребёнком чаще, чем я видела её в кресле, памперсы закончились примерно через час полёта, и она громко сообщила об этом всем, имеющим уши. И сразу же со всех сторон к ней дружно поплыли пакеты с заветными прокладками. Ну не трогательно ли?! Впрочем, сама она восприняла этот жест солидарности как нечто само собой разумеющееся.

Жалко было стюардесс. Бедняжки были не так уж молоды. Одна из них вообще казалась пенсионеркой на подработке, а тут такое: шум, гам, дети под ногами. Не обошлось без наездов. Передвигая тележку с едой или напитками и при этом часто пятясь задом, какая-нибудь из них то и дело наезжала или наступала на ползущего малыша. И тогда самолёт оглашался таким воплем, что, не помня себя от ужаса, неловкая воздушная фея во всю прыть неслась за шоколадкой для ревущего страдальца. Правда, через какое-то время сообразительные малыши поняли, откуда берутся шоколадки, и стали

реветь уже просто, завидев тележку.

И вдруг мы попали в грозу. Уже почти над Дюссельдорфом. Самолёт затрясся так, что у меня подпрыгнул желудок. В салоне от общего страха стало на мгновение тихо. И тут моя соседка, зажмурив глаза и вжав голову в плечи, отчаянно произнесла:

— Ужас!

Я не поверила своим ушам:

— Вы говорите по-русски?

— Да.

— Ничего себе!

Надо ли объяснять, что до самого приземления мы уже говорили без пауз. Но времени всё равно категорически не хватило. Приземляясь, мы договорились непременно как-нибудь встретиться и попить вместе кофе. Но, к сожалению, не встретились.

Когда лайнер сел, все дети в салоне крепко спали, а их утомившиеся мамы молчали, как изваяния. Зато отдохнувшие папы, деловито суетясь, ловко собирали своё потомство.

Спящие дети были прекрасны. Их так жаль было будить.

Человек без паспорта

Прошло уже достаточно времени со дня моего путешествия в Скандинавию, а я ещё ни одному человеку не призналась в том, что со мной там приключилось. Более того, я и сама о своём приключении забыла. Вот просто вычеркнула

из памяти и всё. А вчера, как нарыв прорвало, вдруг вспомнила и чувствую – можно уже рассказать. Тем более, что теперь эта история стала казаться мне даже смешной, хотя таковой точно не была.

В этот раз я отправлялась в путешествие из Германии, от дяди, давно там проживающего. Собираясь в дорогу, я вдруг решила не брать с собою даркон. Опыт показывал, что ни разу ни в одной из предыдущих поездок он мне не понадобился. Вот я и подумала, чего его таскать без толку, тем более что у меня копия есть. Дома-то он сохраннее будет. Выложила документ из сумочки и поехала с лёгким сердцем за впечатлениями.

И вот мы в Стокгольме. Всё просто прекрасно и даже великолепно. Гуляем, любимся, радуемся. А вечером едем в порт, чтобы отправиться в суточный морской круиз на шикарном двенадцатипалубном судне. Я в предвкушении, потому как это моё первое морское путешествие на столь солидном плавсредстве. И вдруг в автобусе наш экскурсовод Ирина объявляет:

«Приготовьте паспорта, они вам понадобятся при прохождении пограничного контроля».

У меня сердце прямо ухнуло.

«Ира, – лепечу, – а у меня паспорта нет».

У Иры глаза на лоб поползли:

«Почему?!»

«Я его дома забыла».

«Как?!»

«Не знаю, – вру я, – но у меня копия есть».

А у самой от ужаса даже голова закружилась. Ира помолчала несколько минут, а потом и говорит:

«Хорошо. Постарайтесь пройти в середине группы, между людей, авось пронесёт».

И отвернулась. А я как-то сразу успокоилась. Ну, думаю, если она так спокойна, значит, ничего страшного, прорвусь. Тем более что у меня уже друзья образовались: бабушка, её взрослый внук Вилли и пара студентов-лингвистов – Полинка и Себастьян. Мы как-то все сразу понравились друг другу и подружились. Решили, что пойдём толпой, и они меня собой как-нибудь прикроют. Представляли, как это будет, и всю оставшуюся дорогу безмятежно веселились.

Но обстановка в порту не показалась нам столь же весёлой, потому что никакой толпой мимо таможенника, проверяющего паспорт, никто не проходил. Всех пропускали по очереди и строго по одному.

Тут я немного струхнула, но, придав себе беззаботный вид, решительно двинулась в сторону пограничника. Полицейский вежливо поздоровался, протянул руку, и я вложила в неё мой жалкий листочек.

«Что это?» – спросил он.

– Паспорт.

– Паспорт?!

– Да.

– У вас в стране такие паспорта?

– Ну, не совсем, это копия.

– Копия?! Почему копия?

– Для безопасности.

– Какой?

– Паспорт могут украсть.

– Кто?

– Откуда мне знать. Его ещё потерять можно.

– Мадам, у вас есть паспорт?

– Вы держите его в руках.

– Нет, это не документ, это просто бумажка. Я не могу вас пропустить!

И тут мне стало страшно. Я поняла, что перспектива остаться одной в Стокгольме, буквально на улице, без языка и лишних денег, реальна до ужаса. Вся моя группа поддержки, одновременно со мной осознав эту перспективу, бросилась к нам и от страха заверещала одновременно. Вера стала уверять пограничника, что она отвечает за меня головой, а её голова очень даже заслуженная: у неё рабочего медицинского стажа целых сорок лет, и внук Вилли, который вот он, один из десяти лучших студентов Германии. Вилли согласно кивал головой, стоя рядом со своей бабушкой.

Но страж порядка был суров и неумолим. Он стоял с отсутствующим выражением лица и смотрел поверх наших голов. Полинка бросилась за Ирой и через пару минут вернулась вместе с ней. Между нашим экскурсоводом и полицейским начался долгий и нудный спор, прерываемый время от времени вопросами ко мне:

– У кого вы остановились в Германии?

– У дяди.

– Его адрес?

– Мёнхенгладбах.

– Улица, дом?

– Не знаю.

– Телефон?

– Не помню.

– Отойдите, пожалуйста, в сторону, вы мешаете.

Я была даже не в отчаянии, я просто была убита.

И вдруг из служебных дверей таможни вышел могучий афрошвед (надеюсь, это политкорректно?), явно более высокого чина, чем офицер на пропускном пункте. И я бросилась к нему, как к спасителю. Не знаю почему, но тогда мне показалось, что именно он спаситель и есть. Несколько минут офицер меня внимательно слушал, потом кивнул и, взяв мою копию, удалился.

Прошло минут десять, когда дверь снова открылась, и чернокожий гигант появился в сопровождении ещё двух военных. Все они, минуя меня, подошли к Ире, задали ей

несколько вопросов и, взяв у неё её паспорт, разрешили мне пройти на корабль. Я на ватных ногах прошла в зал, разумеется, забыв свои вещи за пограничным ограждением. Когда через несколько минут, опомнившись, я бросилась за ними вниз по эскалатору, идущему вверх, полицейский, только что не пускавший меня на корабль, приветливо улыбаясь, нажал кнопку и остановил проклятую лестницу.

Наш лайнер оказался размером с большую улицу. Нарядную и даже роскошную. И всё там внутри и снаружи было почти сказочно. Мы носились по кораблю с энтузиазмом шкодливых котят, везде суя свой нос и стараясь не пропустить ничего интересного. А посмотреть там было на что! Впечатления росли, как снежный ком. Мы удивлялись всему, попутно восхищаясь многим.

Самым особенным сюрпризом оказались шведки. Их было шестеро или семеро, точно уже не помню. Дамам было далеко за шестьдесят, а может, и больше. Худенькие, в коротеньких юбочках, оголяющих худые узловатые коленки, с двумя тощими хвостиками на голове, перетянутыми копеечными резинками с пластмассовыми бусинками (такие украшают головы первоклассниц в России), они, в сопровождении своих элегантно одетых спутников, входили в танцевальный зал, весело смеясь, и тут начиналось нечто!

Никогда я не видела ничего подобного. Пожилые леди и джентльмены бесподобно красиво и легко, явно наслаждаясь, выделявали на танцполе такие па, какие и молодых про-

фессионалов могли бы заставить облизнуться от зависти. Я же только замирала в восхищении. Они танцевали всё! И всё безупречно. При всей моей любви к танцам я ни разу не решилась потанцевать рядом с ними. Жалкое бы это было зрелище! С прискорбием в этом признаюсь.

Ещё почему-то запомнился один немолодой швед у игрового автомата. Он как заступил на вахту перед «одноруким бандитом» в первый час путешествия, так и не отлип от него до его окончания. Бледный, даже синий, он едва передвигал ноги, спускаясь по трапу после окончания путешествия. А ведь входил на корабль вполне симпатичным и бодреньким мужичком.

Через сутки мы возвратились в порт. И вдруг на выходе из здания порта я увидела своего чернокожего спасителя! Преисполненная благодарности, я бросилась к нему:

– Миленький! Спасибо! Ты самый лучший полицейский на свете!! Я тебя обожаю!

Таможенник поднял брови. Меня мимоходом удивило, что он встретил меня без малейших положительных эмоций, а даже, напротив, как-то напрягся, но я не стала заморачиваться этим мимолётным впечатлением. Передо мной стоял мой герой, и я, встав на цыпочки, от души звонко чмокнула его в прохладную чёрную щёку. В глазах огромного полицейского отразилась паника.

И тут раздался крик:

– Это не тот!!! Ольга! Это не тот!!!

Я оглянулась. Кричал Вилли. Я с изумлением уставилась на пограничника – неужели не тот? Не может быть! Но чернокожий парень, стоявший передо мной, был точной копией моего спасителя!.. Только значительно моложе! Тот же рост, лицо, цвет кожи, наконец...

– Слива, – пролепетала я и почему-то погладила его по плечу.

Офицер протянул ко мне руку, возможно, чтобы наконец ответить на мой дружеский жест или, наоборот, схватить нахалку и разобраться, в чём дело. Но было поздно – я бросилась обратно к своим, пылая лицом и боясь оглянуться. Компания встретила меня дружным, переходящим в истерику, хохотом. Через несколько минут и я, ещё смущённая, неуверенно поддержала общее веселье. Хотя, если честно, конфуз от этого ляпа ещё долго лежал на моём сердце острым камешком. Хотя, думаю, зря.

На следующий день наш путь лежал в Осло. Я всю дорогу безмятежно любовалась красотами природы, мелькающими за окном автобуса, и была совершенно счастлива. Так было до границы с Норвегией, пока наш автобус не остановили пограничники. Оказалось, что в связи с делом Брейвика теперь выборочно осматривались даже туристические автобусы, чего раньше никогда не было. Ира, не глядя на меня, ти-

хо произнесла:

«Приготовьте паспорта», – и мне резко поплохело.

Природа Норвегии в этот момент показалась мне слишком суровой и мрачной. Когда в салон автобуса заглянула огромных размеров женщина-полицейский и стала сканировать взглядом салон, я почувствовала накатывание обморока. Но вдруг стражи границы передумали. Перекинувшись с нашим водителем парой фраз, они удовлетворённо кивнули и, пожелав нам счастливого пути, медленно направились к следующей за нами машине. Как потом объяснила Ира, наш автобус уже досматривали накануне, и этого оказалось достаточно, чтобы с богом пропустить нас сейчас.

Вы представляете?! В тот день я поверила в свою сказочную везучесть. Понятно, что после такого сюрприза судьбы градус настроения у меня немедленно повысился до эйфории, и весь следующий путь я уже воспринимала как абсолютно чудесный.

Больше эксцессов не было. Но стресс от этих двух оказался настолько сильным, что я почти немедленно о них забыла. Память, видимо, блокировала эти воспоминания как сильно травмирующие психику.

Собираясь в следующую поездку, я первым делом положила в сумку паспорт. Разумеется, он мне не пригодился.

Ольга Саварез

ОТРАЖЕНИЕ

Потеряшка

Потеряться легко, если у тебя к этому есть призвание и талант. А у меня, к сожалению, присутствует и то, и другое. И потому я теряюсь почти в каждом своём путешествии. Рим, увы, не стал исключением. Это случилось возле Римского

Пантеона. Вышли мы с группой из этой исторической святыни и, как водится, перевариваем впечатление. А снаружи — свет яркий, воздух свежий, фонтан достаёт небо высокой струёй, и всюду шум и гам живой жизни. Ну, всё, как я люблю.

Сердце моё немедленно переключилось на ликование, и я, ведомая вышеописанным неотвратимым инстинктом, решила сделать круг вокруг фонтана. Сделала — и потерялась. Вернулась на исходную точку, а там никого из своих. Одни чужие. Ужас! Языка не знаю, названия гостиницы не помню, гида знаю только по имени. Сделала два круга вокруг фонтана — гуляет народ, которому я не интересна.

И тут меня настигло бы отчаяние, если бы мозги уже судорожно не суетились в поиске решения. И вдруг я увидела бегущую, маленькую и кругленькую, как шарик, полицейскую. Возможно, все римские боги сразу подкинули мне этот спасительный шанс. Я бросилась к ней наперерез, расставив руки не хуже, чем отчаянные герои американских боевиков. Женщина затормозила в изумлении, и по её обалдевшему взгляду я догадалась, что поступила, мягко говоря, не совсем типично.

— Что?! — вскрикнула она, немного запыхавшись.

Путаясь в словах, я сообщила ей на ужасном английском, что потерялась.

— Я тут немного занята, — сообщила она, притоптывая от нетерпения на месте, — вот бегу за преступником. Подо-

жди, я его сейчас поймаю и вернусь.

Этот ответ я поняла уже по её красноречивым жестам в сторону убегающего парня и прикосновению к кабуре на поясе. Я отступила, а полицейская побежала дальше.

И знаете, через очень короткое время она таки вернулась! Быстрой оказалась и проворной. А главное — ответственной. И тут началось: ни на один её вопрос я не смогла толком ответить. Всё, бедняжке, пришлось делать самой. Но минут через десять она уже всё обо мне знала: откуда я приехала, в какой гостинице живу и как зовут моего гида.

Она тут же предложила отвезти меня в гостиницу. Я пришла от этой мысли в ужас: потерять целый день впечатлений и радости — что может быть ужаснее?! И наотрез отказалась. Ещё через пару минут она уже звонила Марине, нашему гида. Оказалось, та и не подозревала, что потеряла одну из туристок, но вся группа здесь, рядом с фонтаном, обедает, и она сейчас за мной придёт.

Меня удивило немного, что никто и не понял, что я пропала. Никто, кроме моего друга, который бегал всё это время вокруг того же фонтана в полной панике и отчаянии. Получалось, мы бегали друг за другом, а надо было навстречу. Такая вот ирония судьбы!

Ну а дальше всё не только наладилось, но даже стало лучше, чем было. Меня пригласили за стол гидов и стали наперебой угощать вкуснейшими яствами, чтобы снять теперь уже наш общий стресс. Признаться, до этого меня не слыш-

ком восхищала итальянская кухня — не везло, наверное. Но то, что я ела за столом опытных гидов, было превосходным!

Да и в целом день весьма удался! Ах да, про главное. Полицейская, которая помогла мне, добавила восхищения и без того великолепному Риму. Ей моя персональная благодарность.

АМУРНЫЕ ХРОНИКИ

Балерина

Алекс всегда был везунчиком: 35 лет, хорош собой, любимая работа, карьера, деньги – многие завидуют. Фотохудожник с именем, связями, необременительными любовными приключениями и постоянной тоской, чёрт знает откуда взявшейся и не отпускающей счастливчика Алекса уже по-

что год. Дошло до того, что однажды утречком подумалось: «А нафига просыпаться?»

Когда позвонил главный редактор журнала «Кумиры» Вадим Акаёмов и попросил зайти, Алекс был в абсолютном психологическом раздрае. Но Вадим был не просто работодателем, он был другом. Они дружили уже тысячу лет, ещё со школы. У обоих были строгие мамы без пап и довольно бедное одинаковое детство. Теперь оба сделали карьеру, поменяли свои когда-то скромные квартиры на совсем нескромные апартаменты, но продолжали дружить и поддерживать друг друга всегда, когда в этом возникала необходимость. Тем более что и профессии их сильно пересекались. Вот и сейчас, Алекс не сомневался, Вадим собирается предложить ему работу. Скорее всего, очень важную для обоих. А работать чертовски не хотелось. Сначала Алекс хотел отказаться, но потом испугался, что, уступив своей тоске, совсем в ней увязнет, и согласился на встречу.

Вадим был необычайно возбуждён.

— Старик, я даю тебе шанс прославиться окончательно и бесповоротно. Ты, конечно, слышал о Лизе Шульгиной?

Алекс слышал. И не только.

Лиза Шульгина была балериной. Не просто модной, не просто талантливой и известной — Лиза была явлением. Алекс любил балет и уже давно следил за творчеством удивительной балерины. Но как-то издавека, не смея, да и не

желая приближаться.

Лиза вошла в комнату летящей походкой, выворачивая ступни, как это принято у балетных, — хрупкая и царственная одновременно. Алекс поднялся навстречу, да так и остался стоять, заворожённый блеском её удивительных длинных глаз. Её лицо не было красивым. Но оно не отпускало. Его хотелось разглядывать подробно и долго, оно было прекрасно той особенной породистостью и удлинённостью черт, какими отличались высокородные испанки великого Эль Греко. Давно забытое возбуждение охватило его. И как-то сразу Алекс понял, как нужно её снимать.

Они перекинулись парой слов, и Алекс с удивлением услышал, что голос у него сел. Кажется, так бывает от волнения или страсти только в ранней юности. Но и Лизин голос оказался с хрипотцой. Они почти ничего не сказали друг другу — договорились о встрече, обговорили время сеанса, попрощались — и всё. Она вышла из комнаты той же летящей походкой, что и вошла, оставив после себя лишь шлейф волнующих духов, лёгкое прикосновение к его руке длинных прохладных пальцев и ощущение чего-то нереального, приснившегося, невозможного.

Во время съёмки они почти не разговаривали. Лиза была вожделенной моделью, и их сил хватало только на то, чтобы работать и всецело наслаждаться каждым мгновением этой работы.

Алекс приглушил свет и постарался сконцентрировать его

на мягком повороте головы Лизы, с собранным, как это принято у балетных, пучком волос над высокой шеей. Линия перехода шеи в длинную узкую спину потрясла его. В ней было что-то трагическое, очень женское: беззащитность, излом, покорность, хрупкость. За них хотелось отдать жизнь. Руки! Это в них — то на колени брошенных, то вверх взметнувшихся — слышал Алекс, сводивший его с ума голос с хрипотцой. Это они страдали, радовались и умирали в её спектаклях, а сейчас покорно лежали на коленях, словно уставшие крылья Ангела. И взгляд, и осанка, и поза — всё в ней было абсолютно органично и совершенно. Но вот она повернулась, и всё изменилось. Взгляд роковой, обжигающий, не оставляющий надежды на пощаду, спина пружинистая, влекущая — и опять эти руки, зовущие и отталкивающие одновременно.

«Только ПЕРЕДАТЬ, — молил он в страстном возбуждении, — только суметь передать то, что открылось ему: этот взгляд, эти руки, это лицо...»

Сеанс их творчества был настоящим откровением, озарением, ВДОХНОВЕНИЕМ, наконец! Всё получалось само собой, они понимали друг друга почти на телепатическом уровне. Такого творческого подъёма, такой лёгкости и радости от работы у Алекса не было никогда раньше. Он чувствовал себя творцом, почти Богом — и был абсолютно счастлив.

А потом была любовь. Недолгая. Но самая настоящая. Самая ОНА. Как артефакт. Чтобы было что в оставшейся жиз-

ни вспоминать и уже ни о чём не жалеть.

А потом Лиза уехала на гастроли, а когда приехала, что-то уже погасло в них. Видимо, вычерпнуто было до дна это невозможное счастье. Сил больше на такой накал не было.

Вот они и расстались.

Принц

Это произошло ещё тогда, когда Петербург назывался Ленинградом.

Она – юная девочка, только что окончившая школу и приехавшая в Ленинград из далёкой провинции учиться. Яркая красивая брюнетка, слишком яркая для серо-угрюмого Ленинграда – высокая, с копной великолепных сверкающих волос, спадающих крупными чёрными локонами на нежные плечи. Когда она шла по Невскому, вслед ей оборачивались все: и мужчины, и женщины – слишком необычна и ярка она была для этого города, какая-то южная экзотическая птица, свободно расхаживающая по улицам, довольно скромно одетая и поэтому явно не иностранка, а своя, но такая необычно чужая.

Ей было всего семнадцать, и Ленинград казался ей тем сказочным миром, в котором её девичьи мечты должны были превратиться в жизнь, полную необыкновенных приключений и счастья. Она чувствовала себя в нём принцессой или даже королевой, но ещё не коронованной, а как бы накануне – королевой инкогнито. И как настоящая принцесса, она с замиранием сердца ждала своего принца и верила в свой сказочный бал.

И вот однажды это случилось. Отец её подруги достал для обеих приглашительные билеты на новогодний бал в Воен-

но-медицинскую академию. Это был первый настоящий бал в её жизни, и он не имел права не стать волшебным. Всё казалось ей чудесным. Всё было похоже на сон. От кавалеров не было отбоя, она танцевала все танцы подряд, едва успевая менять партнёров, и веселилась от души. И вдруг она увидела Его. Их разделял огромный танцевальный зал. Он обернулся, и их глаза встретились. А дальше всё стало происходить как во сне. Музыка, зал, танцующие пары и голос распорядителя бала – всё стало сказочно нереальным. Он был мальчиком её мечты, Греем её грёз. В красивом сером свитере, именно в таком, в каком и должен был быть её Принц, и лицом настолько желанным и родным, а главное – таким знакомым по её девичьим грёзам, что она тотчас его узнала. Конечно, это был их бал.

Объявили белый танец, и она, отодвинув от себя настойчивого кавалера, которому только что улыбалась, направилась через весь зал прямо к своей мечте.

– Я пришла, – сказала она, с трепетным восторгом входя в его ждущие руки, как в судьбу, и ни секунды не сомневаясь в совершенной естественности своего поступка.

– Добро пожаловать, – улыбаясь, ответил он, принимая её в объятия и ограничивая теперь её жизнь и счастье именно этим пространством.

И время остановилось. Вернее, замерло. Заключённые в

любовь, они уже больше ничего не замечали. Мир каждого из них был отныне ограничен глазами любимого. Они танцевали теперь все танцы подряд, не размыкая объятий и не замечая, под какую музыку танцуют. И говорили, говорили, говорили, наслаждаясь музыкой голосов и тем волшебным состоянием эйфории, которое присуще настоящему счастью.

Она потом никогда не могла вспомнить, о чём они говорили тогда.

Но вот объявили последний танец, а когда он закончился, они, держась за руки, спустились в гардероб. Он взял номерки её и её подруги (которая почему-то к концу вечера осталась одна) и встал в очередь за пальто. А потом она с ужасом увидела, что он идёт к ней, держа в вытянутых руках шикарное пальто подруги, а её старенькое, перешитое из мамино, небрежно перекинул через руку. Его намерение было весьма красноречивым. Она отпрянула от него, её лицо вспыхнуло, а глаза засверкали готовыми пролиться слезами. Такое унижение от своей бедности можно почувствовать только в семнадцать лет!

«Это моё пальто», – услышала она насмешливый голос своей спутницы. Он смешался лишь на мгновение: «Разумеется. Разрешите вам помочь?» А затем повернулся к ней и жестом пажа, прислуживающего своей королеве, надел на неё её старенькое пальто так, как будто оно было мантией из горносталя.

Они вышли на улицу и, вступив в ночь, почти задохнулись от прозрачности и чистоты морозного воздуха и сказочной красоты открывшейся им картины: чёрное небо, слабо подсвеченное тусклой луной, просыпалось на землю тихим торжественным снегом, который, зажигаясь от света фонарей, начинал волшебным образом искриться и падал на ладони такими замысловатыми и красивыми снежинками, что каждую из них хотелось сохранить как произведение искусства.

– Смотри, – сказал он, подняв голову и любуясь этим завораживающим видом, – тебе не кажется, что снегопад похож на подвенечное платье, сшитое из миллионов бриллиантов? – и, наклонившись к её ушку, нежно добавил: – Тебе нравится этот наряд?

Она жила в Девяткино, где снимала комнату у бабушки сегодняшней подруги. В Девяткино ходила электричка от Финляндского вокзала, и она уже едва успевала на последнюю. Он сказал, что поедет с ней и всю ночь будет стоять под её окнами, а когда она утром проснётся, он будет первым, кто пожелает ей доброго утра. Конечно, они оба понимали всю нереальность этого поступка, но расстаться не было сил, и она только молча качала головой и виновато улыбалась.

Подруга рассмеялась.

– Сумасшедшие, – заявила она, – быстренько прощай-

тесь, а то электричка убежит без вас обоих, а нам ещё нужно успеть на автобус.

– Я поеду с тобой, – упрямо твердил он, не отпуская её руку, – я очень хочу.

– Нет, сегодня нельзя. Это невозможно. Но я буду всё время думать о тебе, и таким образом мы не расстанемся даже на мгновение до нашей взаимовдашной встречи.

– Ну хорошо, – наконец согласился он и, немного подумав, сказал: – Я буду ждать тебя здесь, на этом самом месте в пять часов вечера в среду. До четырёх я дежурю в Академии.

Он успел выскочить из электрички в самое последнее мгновение. Она сидела у окна и смотрела на стремительно убегающий снег, который казался ей продолжением её новогоднего бала. И как она раньше не замечала, что снегопад действительно похож на подвенечное платье или на великолепную волшебную фату, полную неизъяснимого таинства? Ведь это так очевидно. И она засмеялась счастливым смехом расколдованной принцессы.

– Вы очень красивы, – услышала она голос и, с трудом оторвав взгляд от окна, перевела его на сидящего напротив человека. – Вы просто светитесь счастьем. Я специально пересел к вам поближе, чтобы и на меня упало несколько его лучей. Вы не против?

– Нет-нет. Пожалуйста. Я сегодня действительно очень счастлива. Пользуйтесь на здоровье.

Всю ночь она металась в постели, переживая заново каждое мгновение своей любви. О двух последующих днях она не помнила ничего. Но вот наконец наступила среда. Утром она подошла к зеркалу и не узнала себя: на неё смотрела незнакомка с яркими, лихорадочно блестящими зелёными глазами, нежным, как будто освещённым изнутри лицом и небрежными чёрными локонами, которые, как дорогая рама на картине, только подчёркивали и этот румянец на щеках, и этот взгляд. Незнакомка казалась несколько испуганной, но хороша была необыкновенно. Сердце её стучало громко и нетерпеливо, и ей никак не удавалось его утихомирить: оно торопило время и сбивалось с ритма.

Без пятнадцати пять электричка подошла к Финляндскому вокзалу. На условленном месте его ещё не было. Она увидела это издали и почему-то сразу поняла, что он не придёт совсем. Мир рухнул мгновенно.

Она прождала его пять часов.

Однажды на её глазах бросили собаку. Всё было так просто и буднично. Подъехала машина, из неё выскочил весёлый очаровательный пёс, а машина вдруг взяла и отъехала. Случившееся предательство не умещалось в глазах осиротевшей собаки, она не могла в него поверить и всё бегала и скули-

ла от ужаса и горя, никого не замечая вокруг и тщетно ища своего хозяина-подонка.

Сейчас она чувствовала себя так же, как эта ни в чём, кроме любви, не повинная псина. Её предали так же безжалостно и легко... Конечно, можно было предположить, что у принца случилось что-то, помешавшее ему прийти, ей очень хотелось так думать, но она чувствовала, почти знала, что это не так. Возможно, потому, что мерила его чувства по своим меркам. И хотя она так же, как то несчастное животное, тревожно и с надеждой следила за каждым появившимся вдали человеком, делала это она чисто механически, потому что уже знала, что тот, кто ей нужен, не придёт никогда.

В десять часов вечера к ней подошёл военный, капитан, который уже давно ходил возле неё кругами, и пригласил в ресторан. Она молча пошла с ним. Они что-то пили, что-то ели, и он о чём-то говорил, не переставая, а она сидела как каменная и ничего, совсем ничего не чувствовала. А он между тем говорил, что получил назначение в Германию, что она ему очень нравится и он хочет на ней жениться.

– Я буду очень хорошим мужем. Пожалуйста, соглашайтесь! – умолял он, пытаясь взять её за руку. Она как будто очнулась, отдернула руку и поднялась.

– Спасибо. До свидания. Мне нужно идти, – и быстрым шагом, почти бегом, устремилась к выходу, задыхаясь от

прорвавшихся, наконец, слёз.

С тех пор прошло много лет. В её жизни случилось много всякого, она не раз ещё была влюблена, любила и даже была счастлива, но никогда ни один мужчина не казался ей больше Принцем. Может быть, в тот вечер она просто перестала верить в сказки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.